Р. ВОЛЖЕНИН

В ТОЧКУ

PG 3476
.V649
V22
1926

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

№ БЕГЕМОТ 26

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00010304066

Р. ВОЛЖЕНИН

ee c PG3476 .V649 V22 1926

В ТОЧКУ

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

V TOCHKU

ВЕСЕЛАЯ БИБЛИОТЕКА
„БЕГЕМОТА“
ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“
Ленинград — 1926

□ □ □ ТИПОГРАФИЯ □ □ □
„КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ"
имени Володарского,
Ленинград, Фонтанка, 57.

Ленинградский Гублит № 19777. Тираж 20.000 экз.
Заказ № 5447.

В ТОЧКУ

Снаряжали родители на станцию Тишку.

— Мотри, Тихон, — говорил Степан, заправляя выбившееся из-под дерюги сено и отмахиваясь лысой головой от бесчисленных мух,— мотри, Тихон, лошадь-то не гони. Да за-дешево не вози; рази пассажиров не будет, аль извозчиков понаедет много...

— Много не будет! — уверенно мотнула головой Дарья. — Где много! Покос!..

— Подходи к седоку великатно, — продолжал наставления Степан.

— Ладно! — зевнул Тишка.

— Да не ладно, а слухай, что отец говорит. Прямо-тки подходи и великатно за чумадан: куда-мол везти прикажете? На все, брат, обращение нужно. Ежели, скажем, непа какого товарищем обзовешь, аль товарища барином — пустой приедешь... Это уж будь спокоен. К примеру говорить будем, дамочка в шляпе и с рудикулем...

Степан задумчиво почесал кнутовищем пониже спины и вздохнул.

— Ну, скажем, дамочка с рудикулем. Ну, чего говорить будешь?

— Я, што-ли?

— Не! Кобыла! И что за дурак парень! Конешное дело, ты... Кто-ж еще?

Тишка заморгал белесыми веками, молниеносно махнул рукой под носом и вытер палец об рубаху.

— Пожалте, скажу, барыня-гражданка... Вам куды? И мне враз туды!

— Ну, и дурак! — перебил Степан. — Туды, растуды... Эка язык-то лапотный... Ну, дале что?...

— Дорого не возьму... Кобыла у меня резвая...

— Да что ты, смеешься, что ли? Кобыла! Да нешто мыслиное это дело! Они, дамочки-то, бодай их сопля, насчет кобыл не любят... Зазорно им...

— Чего-ж зазорно-то? — удивилась Дарья.

— А хрен их знает... Я округ их походил, слава те, господи! Промежду собой на бале голяком, почитай, ходит, а про животную ни-ни!.. Я как в старостах у барина Сухостоева был, евонная барышня шла, а кобель на дороге лежал. Остановилась и кричит мне: — Эй, Степан! Она не укусит? — Кто она? — говорю. — Это-ж кобель!...

Потом от барина замечание, что матерьяльно выражаюсь.

— Как же по-ихнему-то? — разинула рот Дарья.

— Собака... Что кобель, что сука — все одно: собака. И кобыла, и жеребец, и мерин, скажем, — все одно: лошадь... Ну, дале что?

Тишка неуверенно поглядел на кобылу.

— Да ты уж малого не мучь... Не дурак ведь в сам-деле...

— Погодь! — строго прикрикнул Степан. — Не разводи церемонию! Дале что?

— Дале? — запыхтел Тишка. — Дале скажу: лошадь у меня резвая, значит, враз довезет.

— Не! Негоже! Барыне с рудикулем беспременно смирную лошадь давай. Смирная, скажи, лошадь; первая по смирности на всю округу.

Ну, ладно! Поедешь со станции-то, слюни не распущай. Разговор поддёрживай в аккурате. Сам не суйся: не любят которые этого... В разговор ежели седок пойдет, вызнай спервоначалу, откуда такой взялся, чтоб в разговоре потрафить... Которые седоки за разговор прибавляют, ежели в самую точку попадешь. В обличье гляди. Ежели разговор подходячий и с рыла себя оказывает, враз угадать можно. Ежели партейный, не бацни ему, что у твово отца трактир был. Он за власть, — ты за власть; он смычка, — ты смычка. Лошадь, скажи, одна... Еле кормимся...

— Ох, дознаются, — хуже будет! — не вытерпела мать.

— Не вякай! «Дознаются!» — передразнил Степан. — Кто дознается? Пачпорта не спросют! Таперича будем говорить, — обратился отец снова к Тишке, — везешь ты непа... Магазин у него в городу аль что... С этим начистоту крой. Семь лошадей у меня было, — крой дюжину. Все-мол большевики обобрали. Батюшку-попа похвали, на церкву окстись... Брата, скажи, красные убили...

— Господи! И на кой прах врать-то? — охнула мать.

— Погодь! На пра̀ходьке все знаю... Пра̀ходька — первое дело. Ежели в разговоре потрафишь, обязательно прибавит. Ну, с богом!.. Да стой! Ст-о-о-й! На обличью мотри. Ежели фуранька кожаная, портфиль, — обязательно совецкой. Шляпа мятая, булавочка под глоткой — неп.

Тишка мотнул головой и тронул. Степан посмотрел вслед и вдруг гаркнул:

— Пар-тки бе-лы-и!.. Пер-ща-тки! Бар-жуй!..

Тишка что-то крикнул, хлестнул кобылу и скрылся в облаке пыли.

Из вагона выскочил молодой человек в легкой соломенной шляпе. На шее у молодого человека ярким пятном сверкал красный галстук, а в галстуке — булавка. Ноги незнакомца были облечены в белые брюки.

— Баржуй! — ёкнуло сердце у Тишки. — И портки белые, и булавочка в глотке, и шляпа... Перщаток нет только.

Он шаром подкатился к пассажиру и, взяв кнутовище в зубы, обеими руками ухватился за чемодан.

Молодой человек засмеялся.

— Куды ехать? — выплюнул через кнут Тишка.

— Ишь ты, прыткий какой!... В Потапово....

— Пожалте! Полтора рубли... Кобыла, то-ись лошадь, резвая...

— Ну, ладно.

Тишка услужливо подправил сиденье, и подвода тронулась.

Одна лошадка-то? — спросил седок, закуривая папиросу.

— Во чорт-то! — подумал Тишка и, сделав вид, что не расслышал вопроса, остановил лошадь, сошел с телеги и начал поправлять без надобности хомут.

— С городу будете? — с невинным лицом спросил Тишка, — взбираясь на телегу.

— Да. Из города.

— По торговой, видно, части?

Седок засмеялся.

— А как ты угадал?

— Праходька! — важно сказал Тишка.

— Практика! — Ишь ты какой!...

— А чем торгуете? — вежливо поддержал беседу Тишка.

— Так... вообще... — улыбнулся седок. — А откуда у тебя на торговцев практика-то такая?

— Праходька-то?... — обернулся Тишка. — Мы сами по торговой части... У мово батьки трактир был — первый в округе... Большевики обобрали...

— Так-с...

— А у вас в городу есть большевики-то? — деловито осведомился Тишка.

— Как не быть! Есть. Значит, батька-то твой потерпел от большевиков?

— А как же! Брата расстрелили.

— За что?

— А кто их знает. Пришли и расстрелили.

— Ну, а теперь твой батька как с большевиками?

— Ничего. Мы их учим.

— Как «учим»?

— А очень просто. Батька мой с дядей Егором селькора Чудина отволтузили.

— За что?

— А в газету про батьку написал, что Степан Сугробов самогон курит... Мешок сзаду на голову накинули, чтоб не видал кто бьет, и отволтузили во как!

— Молодцы! — сказал седок.

— Прибавит! — подумал Тишка и начал усиленно нахлестывать кобылу.

На столе лежала повестка явиться в уезд. У стола Степан лупил Тишку возжами. В стороне стояла мать и плакала.

— Портки белые? — рычал Степан. — Булавочка? А в булавке кто?.. Кто в булавке?.. Кто?! Ленин! Говорил — в обличью гляди! В обличью! В обличью! В обличью!...

И Тишка турманом закрутился по избе.

НАСУЩНЫЙ ДОКЛАД

Облизнув ложку и сочно икнув, Иван Миронов вылез из-за стола и истово перекрестился на черную, закоптелую икону. Дав подзатыльник трехлетнему Мишке, пытавшемуся посадить котенка вниз головой в валеный сапог, Иван Миронов в раздумьи почесал поясницу и вдруг уверенным шагом направился к печке.

Но не успел Иван Миронов забраться на печь, чтобы предаться послеобеденному воскресному отдыху, как дверь открылась и в избу вошел Стукин.

Иван Миронов обернулся, снял руку с деревянной грядушки, за которую уже ухватился, чтобы лезть на печь, и вздохнул.

— Здорово живете, Иван Миронович! — сказал Стукин, вытирая заиндивевшие усы. — Никак отдыхать собрались?

Иван Миронов устало опустился на скамейку:

— Да... вроде... воопче... Делать нечего... праздник...

— А я за вами, Иван Миронович. Ячейка сегодня. Так вот мы, значит, соопча — беспартийные с партийными... За вами я, значит...

— За мной? Аль стряслось что?

— Да ничего не стряслось... На-манер вроде смычки. Вы, как середняк, должны быть антересующим елементом.

— Да ты что-ж, в партию записался, что ли?

— Зачем записался? Я, Иван Миронович, хоть и беспартийный, а сочувствие имею. Для нашего брата, можно сказать, человек из городу приехал и докладывать будет, какое с городу, значит, облегчение мужику делают и как про мужика понимают. Нешто при царе-то с нами разговаривали?

— Ни хрена не разговаривали! Это что зря говорить! — подтвердил Иван Миронов, свертывая цыгарку.

— Опять же вопросы какие по крестьянству задавать можно. Вон намедни в Еголдаеве собрание было... Насчет налогу спрашивали. Я вот, к примеру, ранним паром антересуюсь, а агронома не дают.

— Ни хрена не дают! — опять подтвердил Иван Миронов. — Я, брат, кобыльим доктором антересуюсь... А как он, докладатель-то этот, насчет кобыл понимает чего?

— А хрен его знает. Надо полагать, понимает. Культура, — она, брат, все понимает!

Иван Миронов затоптал цыгарку, застегнул ворот рубахи и стащил с печки полушубок.

— Пойдем. На том свете належимся. Я, главное дело, насчет кобылы.

Придя в школу, где происходило собрание, Иван Миронов и Стукин пробрались к столу, у которого стоял докладчик, и сели на подоконник. Было жарко. Иван Миронов снял вязаный шарф, расстегнул полушубок и начал слушать.

Через пять минут он легонько толкнул локтем Стукина и хриплым шопотом спросил:

— К чему гнет-то?

Стукин почесал переносицу.

— Про не наших буржуев.

— А на кой ляд? Война, что ли, будет?

— Хрен его знает. Ты слухай.

Иван Миронов слушал.

Охарактеризовав инфляцию, как предпосылку финансового краха Франции, докладчик коснулся в общих чертах стабилизации и вопроса о гарантийном пакте. Перейдя к Англии, докладчик разгромил соглашательскую позицию Макдональда и, сделав несколько отступлений, остановился на империалистической войне и Базельской резолюции. Покончив с положением в Европе, докладчик перешел к Китаю.

— Про что он теперь? — спросил Иван Миронов.

— Про енералов.

— Наших?

— Не... Китайских.

— На кой ляд?

— Ты слухай... Слухай.

Наконец, докладчик кончил и, выпив воды из жестяной кружки, устало опустился на стул.

— Прошу задавать вопросы! — сказал председатель.

Все молчали.

— Спрашивай! — шепнул Стукин.

Иван Миронов встал и оправил пятерней бороду.

— Я вот, товарищ-гражданин, насчет кобыльего доктора...

— Правильно! — загудели мужики.

— Как помер у нас скотский доктор, так, почитай уж с год, скотина без помочи...

Председатель захлопал ладонью по столу.

— Вы, товарищ, не по существу... Был доклад о международном положении...

— То-ись, как не по существу? — обиделся Иван Миронов. — Кобыла — животное существо; ежели ее не лечить, — сдохнет. У нас по деревне, почитать, все овцы посдохли...

— Все! Наскрозь! — крикнул кто-то.

— Товарищ, задавайте вопрос по докладу... Международное положение...

— У меня свое положение, коли кобыла дохнет... Ежели я...

Докладчик встал со стула.

— Товарищ, успокойтесь! Мы вышлем специального докладчика...

— То-то и оно, что специяльного, а о кобыле спросить не у кого...

— Верно! — опять загалдели мужики.

Иван Миронов замотал вокруг шеи шарф, надел полушубок и, сердито ворча, пошел к дверям.

Войдя к себе в избу, он злобно пнул ногой котенка и грозно крикнул жене:

— Наплодили на всю избу котятов!... Чтоб у меня этой инфляции не было!...

И полез на печку.

НИЗВЕРЖЕНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ

Трубкин, Семен Михалыч, зять мой, из города календарь привез по случаю своей побывки.

Стал я в календарь смотреть и вижу, что совсем он другое определение, чем раньше, имеет. Будем говорить так: раньше, к примеру, 21 октября восшествие было, праздник. Ну, известное дело: красное число, две обедни — ранняя, которая для старческого пола, и поздняя — помоложе. Обе, конечно, с молебствием по случаю царского дня. Нынче совсем другая конституция получилась; тоже вроде царского дня, только вовсе в обратном смысле: больше насчет вышибки. Число, верно, красное, — день неприсутственный, зато обедней никаких нет, а про-заместо молебствия — благодарственный доклад с концертным отделением в смысле низвержения самодержавия. Опять же вовсе не октябрь, а март и число 12-е.

Заодно про молебствие скажу.

Поп наш, отец Мироний, которого теперь под клуб закрыли, спервоначалу вздумал молебствие закатить. Химический поп был, жулик! И попадья у его, — не смотри, что толстая, — такая жульета была, что отойди прочь.

— Нам, говорит, все равно, восшествие или сошествие: господь дал, господь и взял! Буди имя его благословенно отныне и навеки!

Известное дело: опиум!

Трубкин, Семен Михалыч, зять мой, при падении режиму в солдатах был и про то, как это самое низвержение у нас в Саповке проходило, никаких понятиев не имеет. Теперь же, по случаю купившего календаря и своей бытности на побывке благодаря грыже, пристал, как банный лист, чтоб я ему описание сделал. А какое у нас, извините, описание, когда в Саповке свыше стражника и попа отродясь никакой власти не бывало. Началось с того, что приехал из волости Вострюков и, не слезая с мерина по военной инвалидности деревянной ноги, ударил за веревку в колокол на мотив набата.

Народ, конечно, сразу сбежавши и общий переполох в пожарном смысле. Вострюков, продолжая не слезать с мерина, загнул такую резолюцию, что в Питере и Москве солдаты на автомобилях ездиют, царь взял окончательный расчет, а городовых ловят по крышам.

Поначалу порешили мы, что Вострюков окосевши; однако, глядим, язык у его вполне не

заплетающий, а в руках газета с полным расписанием событий.

Сняли мы товарища Вострюкова с мерина, как был он, по инвалидности и случивших взволновавших его чувств, окончательно запутавши деревянной ногой в поводу, и двинули к избе бабки Авдотьи, у которой старухи стоял на квартире вышеизложенный стражник.

Конечно, у нас такой идеологии, как в городе было, произвести никак невозможно, потому единственный стражник на несколько сот человек и баб приходился. Низвергать его, конечно, тоже не пришлось по случаю его пьяного валянья под скамейкой. Бабка Авдотья его с уголька прыскает, отхаживает, а поперек стражника отец Мироний лежит, задрамши рясу.

Товарищ Вострюков прежде всего скомандовал, чтоб отделить церковь от государства и полить власти водой. Однако, вода была без последствий.

Тогда Вострюков для доказательства своих забастовских слов и чтобы мужички не сумлевались, пнул стражника деревянной частью ноги в выдающее мягкое место и, окромя того, плюнул. От таковых последствий стражник зачмокал губами, вроде спящего дети и с закрывшими глазами тихо сказал по-матерно. Тут Трубкин Михаил Потапыч, отец моего указан-

ного зятя, старик почтенного лысого вида, с засмеявшим лицом сказал:

— Вот дерьма-то, пьяного вдарить! Ты вдарь тверезого, тогда действительно режиму падение докажешь. А пьяный вроде, как чурбан или хуже.

На те слова товарищ Вострюков ответил, что это никак невозможно по причинности того, что стражник в трезвости никогда не бывает.

И вот все мужички согласились, а сами спросили насчет землицы. Вострюков отвечал, что пока ничего неизвестно, а, полагать надо, все пойдет по справедливости.

Но, видя фактическое недоверие мужичков и прочих баб, пришел в обиду.

— Я, — говорит, — поеду сейчас с кем хотите в волость и на всем народе вдарю урядника по морде в самое лицо.

Посадили мы его опять на мерина и послали с ним депутатов, на манер понятых. Бабы очень опасались и плакали. Однако, уговорились, что смотреть будем вроде, как невзначай, чтобы не попасть в свидетели.

Приехавши в волость, урядник оказался удравши и даже сам становой.

А землю получили мы опосля Октября.

Вот это, верно, праздник: без фальши!...

УПРОЩЕНИЕ АППАРАТА

Знахарь Лексеич, лечивший мерина от «переверта в кишках» мыльным камнем, толченым кирпичем и наговорной водой, обчистил веником валенки, смущенно поскреб в затылке и вошел в избу.

Авдотья стояла у печки и возилась с чугунами.

— Готово дело! — сказал Лексеич и медленно опустился на скамейку.

Авдотья бросила ухват, всплеснула руками и радостно ахнула:

— Неужто встал?!...

— Кой чорт, встал, — сказал Лексеич, доставая кисет, — подох. Абсолютно подох!

Авдотья подняла ухват и завыла в голос:

— И на кого ты споки-и-и-нул... Кормилец ты наш...

Лексеич свернул «собачью ножку», насыпал в нее с ладони махорки и тяжело вздохнул.

— С глазу это. Не иначе. И вода не помогла, язви те...

Авдотья завыла пуще прежнего.

Лексеич встал и, внимательно осмотрев шапку-треух, молча пошел к дверям. Авдотья выскочила на двор.

Мерин лежал на боку, выпятив чудовищно вздувшийся живот и оскалив длинные желтые зубы. Около мерина сидел на корточках восьмилетний Авдотьин сын Кирюшка и дергал из хвоста волосы на кнут.

Увидя плачущую мать, Кирюшка наморщил нос и заорал благим матом.

— Чует дите-то, — сквозь слезы сказала Авдотья, давая Кирюшке увесистый подзатыльник, — остались мы, как есть, без кормильца...

В калитку заглянул исполнитель.

— Сдох? — спросил он, входя во двор и обходя кругом мерина.

Авдотья шмыгнула носом.

— Скверно дело, — сказал исполнитель, — без лошади — пропащее дело! Освежевать его надоть. Шкура там, копыта. Клей с их, говорят, делают. Деньги получишь.

— Какие уж деньги, — сказала Авдотья, — за шкуру нешто...

— За шкуру само собой, — вздохнул исполнитель. — Только свежевать-то погоди малость: разрешение требовается.

— Чево?

— Разрешение, грю, требовается. От санитарной комиссии. Антон Макаров в комиссии председатель-то. Сходи к ему.

Авдотья вытерла слезы, накинула на плечи кацавейку и побежала к Антон-Макарычу. Тот сидел дома и чинил шлею.

— Плохо дело, — сказал Антон Макаров, откладывая в сторону шлею, — плохо! Свежуй: препятствий не имею. Только разрешение требовается. Сходи к Пал-Михалову.

— А Пал-Михалов-то к чему?

— Как к чему? У них своя комиссия: финанцо-налоговая. Мерин-то ведь один у тебя был?

— Один, — заплакала Авдотья.

— То-то оно и есть. Выходит, ты теперь безлошадная. Теперь налог-то тебе скостить должны.

Авдотья поблагодарила Антон-Макарова и пошла к Пал-Михалову.

— Ладно, — сказал Пал-Михалов, что-то отметив в трепаной синей тетрадке. — Вывозить-то будешь?

— А как же, родимый. Не век же ему, дохлому, во дворе лежать.

— Тогда свежевать-то погоди малость. Разрешение требовается.

У Авдотьи подкосились ноги.

— Требовается, — подтвердил Пал-Михалов. — Вывозить-то куды будешь?

— В Заячий лог, в овраг.

— То-то, что в Заячий. Все село провоняете. Это, брат Авдотья, не кошка там, аль

собака... Иди-ка ты к Авдей-Сергеичу. Он у нас по благоустройству председатель. Живо твоему мерину место обозначит.

Авдей-Сергеича не было дома. Авдотью принял секретарь комиссии Потапкин.

— В Заячий лог можно, — сказал он, выслушав Авдотью, — только разрешенье требовается. Без земельной комиссии никак невозможно. Може, они землю-то эту берегут для чего...

— Овраг-то?!...

— Ну, дак что-ж? Мы в ихнее дело не мешаемся... Иди ты к Лексей-Потапычу: он те все объяснит.

Лексей Потапыч покачал головой.

— Дурак твой Потапкин, — сказал он, — эку дискуссию развел: овраг!.. Вали, Авдотья. Вези. Только... Ты у Иван-Семеныча была?

— У какого Иван-Семеныча?

— А у председателя культурной комиссии. Обязательно зайди. Мерина-то кто лечил?

— Знахарь Лексеич.

— Ну вот. Невежество ваше сплошное, бабское! Обязательно зайди. Може, он твово мерина с виртинаром осмотрит и некультурную лекцию для мужиков сделает... Свежевать-то погоди малость.

Авдотья к Иван-Семенычу не пошла.

Выйдя на улицу, она села в сугроб и взвыла громче, чем утром, когда подох мерин.

ГИБЕЛЬ МИРА

Человек я в некотором смысле культурный и даже подвергался политическим преследованиям от правительства Керенского за буйство якобы в пьяном виде, что есть ложь и клевета, потому что начали пить вместе со старшим дворником, а за чужую политуру и кручение от нее в отравивших мозгах и прочих конечностях организма не отвечаю.

Это пущай разбираются доктора и всякие изобретатели, которые за это деньги получают. Но ближе к делу.

Начну с того фактического факта, что с детства имею большую склонность к богословию и прочим сверхъестественным наукам, почему и обратил свое научное внимание на афишу «Гибель земли».

Упреждаю, чтобы не слушали никаких прямых и косых улик со стороны рыбника Степана Прокофьева, особенно в рассуждении миног. Миноги, правда, были — не отрицаю, и пиво

было — не отрицаю; но в смысле качания или выскочивших из внутренних органов через горловые отверстия миног заявляю, что это обыкновенное отравление продуктами, о чем ежедневно каждый культурный гражданин обоего пола может прочесть в газетах. Помимо всего, теи миноги по своей наружной личности очень напоминают ненормальных больших червяков, что, известно, побуждает. Но опять-таки ближе к делу, как есть в газетах нот.

Начну с того окончательного факта, что, как сейчас помню, поставил я Степана Прокофьева в опершем виде у неизвестных ворот и вошел, где горели лампы и от их шло сияние, как от месяца в морозную ночь. А когда моргал, — пропадало. Несмотря на такой ослепительный свет, до начатия лекции оставалось более или менее час. Тогда я стал читать афишу — «Гибель земли» и что луна в скорости упадет на землю. Вышедши снова, я поглядел на луну, и она вся трепыхалась и прямо над башкой Степана Прокофьева, который сызнова занимался с миногами, не подозревая случившего ужаса.

Тогда я ему сказал:

— Степан Прокофьев, земля гибнет!...

На что он хотел заплакать, но не мог по причине тех же извергавших из него миног. А луна все трепыхала, как не знаю кто. Кроме того, она была над самыми головами, немного сбоку трубы.

Тогда я решил, что все равно пропадать, и, взяв Степана Прокофьева, пошел в пивную, где почтенного вида старец рассказал нам, что к чему и отчего гибель. Другими словами, опосле евонной лекции я оказался без кошелька.

Кошелька мне не было жалко, а было довольно совестно старику, который перед смертью взял ненужные в загробном мире деньги, хотя и твердой валюты. Но ближе к делу.

Не нашедши старика, мы пошли в лекцию, где мужчина объяснял палкой на доске насчет мокрой погоды, о чем и без его науки знаем по причине протухлости мяса, и были не раз оштрафованы за продажу. Я-ж не вытерпел и написал в записке: «Когда будет катастрофа?» Лектор отвечал: «Через десять миллиардов лет». После этого мне стало жалко кошелька и я потребовал деньги за билет, говоря, что жулики. А когда меня вели в милицию, луна все-таки трепыхала.

ГОРМОНЫ

Они встречались на заводе «Красный Кумач» один раз в неделю.

Вместе им не было пятидесяти лет. Они почти никогда не разговаривали: слишком заняты были оба, и если бы Бобышева спросили, какой цвет глаз у Доры и как звучит ее голос, он затруднился бы дать какой-либо положительный ответ.

Но в апреле, когда всюду чувствуется весна — и в кудрявых прозрачно-дымчатых облаках в небе, и в грохоте первых колес по мостовой на земле, и в пожилых, дырявых галошах, напоенных вешней водой, на ногах, — Бобышеву пришлось ехать с Дорой в трамвае.

И так устроена жизнь, что стоит только старой вертушке-земле подставить надлежащий бок солнцу, как в пробужденных деревьях начинают бродить соки, а в людях — кровь.

И кто-б ни был ты, друг-читатель, партийный или беспартийный, верный ли сын живой

церкви, или член безбожного кружка, можешь ли ты, если ты не дошагал по своему жизненному пути до такой грани, когда весна для тебя — только несколько лишних приступов ревматизма, — можешь ли, говорю я, упрекнуть Бобышева, что он вдруг заметил, что у Доры глаза синие, голос грудной, а волосы цвета спелой пшеницы?

И, странное дело, Бобышев вдруг уверился, что он всегда знал все это в Доре: и цвет ее глаз и волос, и низкий грудной тембр голоса, и даже матовую родинку на щеке, пониже левого глаза. Не будем, читатель, затягивать доклада: Бобышев полюбил Дору. Больше, товарищ читатель, — любовь эта была взаимной.

Есть, читатель, в человеке какие-то гормоны.

Мы не притворяемся учеными, читатель, но мы слышали, что от этих самых гормонов зависит работоспособность человека.

И (не удивляйся, читатель!) любовь влияет на эти гормоны. Так и случилось.

Весна повлияла на кровь, кровь — на любовь, любовь — на гормоны, гормоны — на голову, голова — на работу Бобышева, работа Бобышева — на мнение о нем.

— Гм! — сказал некто, — а Бобышев-то этот, оказывается, из молодых, да ранний: очень способный парень. Дайте ему докладик.

— Дора, — говорил Бобышев, — я не могу с тобой завтра идти на лекцию. Мне поручили доклад.

Дора вздыхала. И оттого, что вздыхала Дора и глаза ее становились темными, гормоны еще сильнее кипели в Бобышеве и работа шла еще продуктивней.

Росла любовь, росли и гормоны. И, как снежный ком, вокруг Бобышева наворачивалась нагрузка. И чем больше была нагрузка, тем меньше оставалось в Бобышеве места для любви. Нагрузка повлияла на работу, работа — на голову, голова — на гормоны, гормоны — на любовь.

— Гм! — сказал некто, — а Бобышев-то этот... тово... оказывается, работает неважно... Переутомился, должно быть... Разгрузите-ка его...

И Бобышева разгрузили.

— Бобышев, — говорила Дора, — пойдем сегодня в театр.

Бобышев вздыхал и отказывался, ссылаясь на работу, которой не было.

Короче: Бобышев разлюбил Дору.

Потому что ушла весна, замолчали гормоны, пропал момент. Бобышев даже иногда думает, что весна — мещанство.

И все?

Все, читатель. Может быть, до новой весны.

ОТДЫХ

Он проснулся от солнца. Оно ползло над рыжими крышами шестиэтажных домов, заглянуло в окно к Малоходову и припекло ему нос. Нос поморщился, Малоходов чихнул.

— Весна! — сказал Малоходов и сел на постели.

И оттого, что веселые зайчики солнечных бликов играли на обоях, Малоходову стало тошно.

Очень уж грязными показались ему обои, и очень ему, Малоходову, захотелось удрать из города.

А так как Малоходов чихнул громко, то проснулась и жена и, почесывая плечо, громко зевнула.

— Знаешь что, Зина? — сказал Малоходов, — хорошо бы поехать куда-нибудь... Ведь скоро отпуск...

— Куда-ж ехать? — вздохнула жена. — Кишок не хватит...

Малоходов знал тоже, что не хватит кишок, но солнце светило ярко, весна глядела в окно голубыми глазами, и Малоходов всплеснул руками:

— Как не хватит?... На дорогу-то хватит, а остальное — пустяки... Почему бы, например, не поехать к тете Кате в Опочку?

— А удобно ли? — неуверенным голосом спросила жена, так как весна, очевидно, действовала и на нее.

— Почему неудобно?... К дяде Коле можно, в Бахмут... Хорошо, Зина! В самом деле, живем-живем, а никогда никого не навестим... Родственники ведь все-таки...

— Так-то так, — сказала жена, — да нынче родственников-то не очень любят... Кто их знает, родственников-то твоих...

И, поправив одеяло, добавила:

— Может быть, тетке моей написать в Рязань?...

— Можно и тетке, — сказал Малоходов. — Писать надо, так-сказать, с толком. Так-мол и так: родственные чувства, давно не видались... Хочу-де использовать отпуск... Даже, знаешь, к себе позвать можно...

— Как к себе? — испугалась жена.

— Ну, не в самом деле, конечно, а из вежливости. Ну, суди сама, разве тетка твоя из Рязани соберется сюда?...

Малоходов захохотал.

— Тетка не соберется, — улыбнулась жена, — куда ей собраться. Она трамваев одних до смерти боится...

— Тогда вот что, — сказал Малоходов. — Я пишу письма в Опочку, в Рязань и Бахмут. И в Архангельск напишу, Сергею Палычу. Кто-нибудь да пригласит...

— Уж, конечно, кто-нибудь пригласит, — подтвердила жена, так как солнце весело заиграло на никелированном шарике кровати. Малоходов сидел на службе и писал письма.

«Милая тетя! — писал Малоходов. — Мы очень просим вас к нам приехать, но, зная ваш преклонный возраст, не решаемся настаивать на этом. Желание повидаться с вами не остановит нас перед расходами, и если вы позволите, то мы в начале мая навестим вас».

«Дорогой дядя! — писал Малоходов. — Катайте-ка к нам в Москву! Впрочем, если ваш ревматизм не позволит вам этого, то мы не остановимся перед расходами и посетим вас...»

Малоходов заслюнил конверты, наплевал на марки и отправил письма спешной почтой.

— Я все-таки предпочла бы Бахмут, — говорила жена, примеряя новую «дорожную» кепку. — Юг все-таки...

— Ну, и Архангельск ничего, — говорил Малоходов. — Я давно мечтаю о Белом море... Двина, говорят, красавица прямо, а не река...

И оба мечтательно вздыхали.

Ответные письма пришли в один день.

«Дорогой племянник! — писал дядя. — Очень благодарен за приглашение, но приехать не могу. Не смею и тебя отрывать от партийных дел государственной важности. Однако, направляю к тебе Зою и Сему. Устрой их. Тебе, вероятно, раз плюнуть... Они выезжают завтра».

«Милые! — писала рязанская тетка. — Еду, еду, еду. Бог вас простит, что вы партийные, а иконку уж я в той комнате, где буду жить, повешу на кровати. Не судите старых, — привычка. Ежели, впрочем, будут приходить комиссары ваши, то можно и снимать будет: бог не осудит...»

Архангельский дядя Сергей Палыч прислал открытку с портретом Маркса и краткой надписью:

«Едем!...»

— Какой же ты партийный!.. — плакала жена. — Назвал на свою голову!...

— Знаешь... я думал скорей позовут, — растерянно сказал Малоходов. — Люди они старинные, боятся всего... Ну, я и бухнул, будто в партию вступаю...

Малоходов поднял голову, взглянул на солнце, на синее небо и злобно выкрикнул:

— Сволочь!...

ЗАГАДКА

Что такое обычай? Обычай, известное дело, — надстройка. Как и всякая надстройка, обычай, конечно, покоится на известном базисе. Базис со своей стороны тоже лежит на чем-нибудь.

В чем, в сущности, состоит базис, на котором покоится обычай лгать первого апреля, сказать трудно. Во всяком случае в настоящее время обычай этот никаких базисов не имеет.

На первых порах, когда люди еще не изоврались окончательно и ложь была сравнительно редким явлением, существование такого обычая, может быть, и имело какой-нибудь смысл. Какой именно — разгадывать сейчас нет ни времени, ни места, так как вопросами исторического материализма мы специально не занимаемся.

Ясно только одно, что в настоящее время, когда люди врут не только первого апреля, но и второго, и третьего, и любого числа каждого месяца, обычай этот представляется несколько устаревшим.

Наоборот, нам казалось бы более естественным и более целесообразным существование обычая — хотя бы раз в году говорить безнаказанно правду и только правду.

Я, Слизогубов и Калошкин ехали 31 марта в поезде Москва — Ленинград. Ехали мы и говорили как-раз на эту тему. Говорили мы горячо, тянули друг друга за пуговицы и, захлебываясь от охватившего нас энтузиазма, перебивали один другого. Особенно старался Слизогубов. Если он входил в ораторский раж, то остановить потоки его красноречия не было никакой возможности. Слизогубов обладал голосом и особой манерой говорить. Словом, Слизогубов покорил весь вагон.

— Вы правы, — сказал педагог, свесив лысую голову с полки, на которой расположился было ко сну: — если бороться за новый быт, то почти все обычаи следует, так сказать, переделать наоборот. Мы, взрослые, нередко лжем в силу обстоятельств, лжем часто при детях и ради детей. Но раз в году мы могли бы говорить одну правду. Какое прекрасное воспитательное значение имело бы это для малюток!... Пусть один раз в году, но они чувствовали бы свежую, здоровую, бодрящую атмосферу кругом!...

Педагога поддержала незнакомка.

— Ах, правда! Как это чудно! — задумчиво сказала она, раскрывая сумочку и косясь в зер-

кальце. — Я помню детство... Все лгали... Помню, как мама ругала за глаза тетю Катю, а в глаза льстила ей, потому что тетя была женой генерала... Это ужасно — лгать при ребенке!

— Все это так, — сказал Калошкин, — но невозможно отучить людей от вранья. Для этого нужно изменить коренным образом всю психологию человека.

— Не скажите,— вмешался в разговор блондин с портфелем, — если бы нашлась группа достаточно твердых людей, которые стали бы неуклонно проводить новый обычай, то заговорили бы и те, кто не хотел бы говорить правду. Заговорили бы, может быть, в первое время из чувства досады, если хотите, — мести, но заговорили бы... А потом это постепенно всосалось бы в психологию... Главное — дети...

Так говорили мы. Поезд подходил к Твери.

— Мы могли бы положить основание этому новому обычаю сегодня, — засмеялся Слизогубов.

— Жаль, — сказал педагог, — что такие встречи бывают случайны и мимолетны... Встретились и разошлись...

— Как в море корабли! — вздохнула незнакомка, бросая томный взгляд в сторону Слизогубова.

На остановке мы вышли из вагона и втроем прошлись по платформе. Станционные часы показывали первый час.

— Попробуем! — буркнул Слизогубов, возвращаясь в вагон.

— Какова погода? — спросил педагог.

— Ничего. А вы не спите?

— Нет. Я в поезде не могу спать совсем.

— Это от пьянства, — серьезно сказал Слизогубов.

— Как?

— От пьянства. Впрочем, вам, вероятно, трудно бросить... Да-с! У вас тип отчаянного алкоголика.

— Позвольте! — растерялся педагог, — какое вы имете право?

— При чем тут право? — пожал плечами Слизогубов. — Сейчас же — первый час, следовательно — первое апреля.

— Неуместная шутка! — отозвался педагог: — пристают к незнакомым...

— Почему к незнакомым? Я вас знаю. У Сусловых встречал. Вы, кажется, были замешаны в грязное дело с какими-то детскими простынями или наволочками...

— Ошибаетесь, — смущенно сказал педагог, — оставьте меня в покое!

Он спустил ноги с полки, тяжело спрыгнул на пол и вышел на площадку.

— Видали? — подмигнул Слизогубов незнакомке: — вот вам теория и практика!

— Хорошо, что вы меня не знаете, — засмеялась незнакомка, — а то я убежала бы тоже.

— От правды бежать стыдно! — ласково сказал Слизогубов. — Позвольте сказать правду.

— Пожалуйста! — покраснела незнакомка, — только... только без комплиментов, пожалуйста!

— Зачем комплименты? Правду, одну правду. Например, почему вы прячете ноги?

— Я не прячу.

— Ну, вот!... Конечно, прячете. А знаете почему? Потому что они у вас большие.

— Ничего подобного! — заволновалась незнакомка.

— Рассказывайте!.. По-моему, стыдиться величины ног — глупо... Впрочем, вы и производите впечатление глупой бабенки.

— Вы не смеете! — взвизгнула незнакомка. — Вы сами дурак!...

— Кроме того, у вас вставная челюсть, — продолжал невозмутимо Слизогубов. — Как ваше мнение? — любезно обратился он к блондину.

— Извините, — сказал тот, — но вы, действительно... Нельзя же так говорить с дамой... Вы переходите границы...

— Какие границы? — удивился Слизогубов. — Мы же все были согласны... Вы же сами

сказали, кажется, что если бы нашлась группа твердых людей...

— Проводите меня в другой вагон, — сказала незнакомка блондину. Оба встали и вышли.

— Ну-с, — сказал Слизогубов, поворачиваясь к Калошкину. — Как у тебя дела с Лидией Борисовной?

Я похолодел. Лидия Борисовна — моя жена.

— С какой Лидией Борисовной? — закашлялся Калошкин.

— А с его женой!

И Слизогубов ткнул в меня пальцем.

— Вы, действительно, дурак или пьяны! — сказал Калошкин. — Не верь ему, Роман! Врет!...

И Калошкин вышел на площадку.

— Слизогубов! — захрипел я. — Слизогубов! Скажи правду...

— Какую правду?

— Она... и он?!

— А ты как думаешь?

— Слизогубов!.. Я не могу!.. Я... Я...

Слизогубов откинулся на спинку дивана и расхохотался мне в лицо.

— Ну, чего ты волнуешься? С первым апрелем!

Что он хотел сказать этим, я не знаю до сих пор.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

1. В точку 3
2. Насущный доклад 10
3. Низвержение самодержавия 15
4. Упрощение аппарата 19
5. Гибель мира 23
6. Гормоны 26
7. Отдых 29
8. Загадка 33

8

Цена 10 к.